

Skleněný
mustek
2015

Леонид Овтин

ПЛЯШУЩИЙ АНГЕЛ

Леонид Овтин

ПЛЫЩУЩИЙ АНГЕЛ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Леонид Овтин 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-80-8

Содержание

Часть 1

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.
- 14.
- 15.
- 16.
- 17.
- 18.
- 19.
- 20.
- 21.
- 22.
- 23.
- 24.
- 25.
- 26.
- 27.

Часть 2

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.

- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.

Часть 3

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.

Часть 1

1.

Рабочий день подходил к концу. Дима Грымов сидел в слесарной мастерской, изнывая от скуки и безделья.

В слесарку вошёл невысокий тучный мужчина лет сорока пяти. Это был Георгий Чернов – водитель панелевоза. Глянув на него, парень сразу понял, что шофер пьян: лицо его было красным, грязная телогрейка, одетая поверх спецодежды, была застёгнута на одну верхнюю пуговицу.

Чернов, слегка пошатываясь, подошёл к молодому специалисту. Дмитрий встал со скамейки и быстро пошёл к выходу.

– Дим, ты чего от меня убегаешь? – нагло усмехнувшись, спросил Чернов, хватая парня за воротник телогрейки.

– Да мне, там, надо подойти помочь кое-кому, – неуверенно ответил парень, сбрасывая руку шофёра.

Шофёр засмеялся – он знал, что на самом деле Дима никуда не собирается, а просто ищет повод, чтобы избежать его общества.

– И что ты там будешь помогать?.. А?

– Рессоры, – ответил парень и, не выдержав наглого взгляда смеющегося водителя, вышел из помещения.

Зайдя в токарный цех, Дима подошел к токарю, который сметал стружку со станка, и, деловито нахмутив брови, спросил: – Володя, у тебя нету накидного ключа на двадцать два?

– Посмотри в верстаке, – Володя – полноватый мужик лет пятидесяти, с короткой бородой и густыми усами – махнул рукой в сторону верстака. – В правой шуфлядке.

На самом деле этому незатейливому слесарю вовсе не был нужен никакой ключ. Ему нужно было просто убить последние полчаса рабочего дня, – вот он и зашел в токарный цех, зная, что в обществе говорливого токаря эти тридцать минут пролетят как полминуты. Токарь любил рассказывать. Особенно любил рассказывать о своих амурных похождениях.

Володя старательно смел со станка всю стружку, бросил щетку-сметку на верстак,

принялся подметать пол. Быстро очистив пол от металлической стружки и прочего мусора, он подошел к Диме: – Что, Дима, так и не находишь ключ?

– Нет. А он у тебя точно есть?

– А он тебе надо?

– Да, вообще-то, – на лице парня появилась слабая меланхоличная улыбка.

– День идет к концу...

– Да, – как-то отстраненно сказал Володя. – День идет к концу. Приходи завтра.

– Хорошо. – Молодой специалист, как по команде, быстрым шагом пошел к выходу.

– Слышь, Димка, – смеющийся токарь неторопливо подошел к мальчику, который, держался за деревянную ручку двери и смотрел на него грустными глазами. – Я смотрю, ты чересчур исполнительный индивидуум...

– Не понял... – Во взгляде парня появился легкий испуг. Он неуверенно дернул плечом и вопросительно посмотрел на коллегу: – Не понял...

– Пойдем, посидим, я тебе объясню популярно.

Они сели на диван, обтянутый потертым дерматином.

– Ты ж сам понимаешь, Димка, – Володя аккуратно положил руку на плечо парня. – У нас практически нет социально здоровых работяг. Ведь, правда?

– Почему нет?.. – Недолго подумав, ответил Дима. – А Середа? А Калина?

– Вот я и говорю: практически. Практически – это значит, почти нет. Понимаешь?.. Кроме Середы и Женьки кто еще?

– Ну, ты...

– Ты так думаешь? – Токарь усмехнулся. – Спасибо, Димка. А я думал, ты плохо обо мне думаешь... после всего, что я тут рассказывал. Ну ладно, – Володя посмотрел на наручные электронные часы, висящие на лампе, приделанной к токарному станку. – Сейчас уже день почти кончился, завтра я тебе скажу все, что думал по этому поводу. – Токарь вскочил с дивана, снял бушлат, открыл шкафчик. – Давай, Димка, до завтра.

Зайдя в бытовое помещение, Дима снял телогрейку, повесил ее на гвоздь в своем полуразвалившемся шкафчике и, взяв мыло, пошёл к умывальнику. Намылив руки, он услышал знакомый звук – мощный удар по двери и свистящий скрип дверной пружины. Это Андрей Козловский, водитель бортового грузовика, ударом ноги открыл дверь бытовки. Через мгновение Дмитрий увидел в зеркале самого Козловского – упитанного светловолосого парня лет тридцати. За ним шел невысокий коренастый мужик лет сорока, – это был Леонид Тевенев, водитель панелевоза.

– Диманька, скажи-ка мне, какой фронт работы ты сегодня сделал! – Надменно потребовал Козловский, подходя к парню и легко ударяя его по плечу.

Диманька выронил мыло и тупо уставился в зеркало. Его руки суетливо растирали друг дружку мыльной жижей.

– Козлик, дай ты пацану умыться спокойно. – С наигранным сочувствием вымолвил Тевенев, и, взяв товарища под локоть, подвел его к скамейке, возле окна бытовки. – Пусть умоется пацанчик...

– И что? – насторожился Козловский.

– Что, что! – Тевенев скользнул ребром ладони по светло-рыжей голове Козлика. – Говорю тебе, козёл ты, переоденется Димок – и сходит нам за водочкой! Я правильно говорю, Дима?

– Не знаю. – Несмело ответил парень, вытирая руки полотенцем.

Тевенев подождал, пока молодой специалист переоденется, и повторил вопрос.

– Нет, мне надо быстро домой. – Ответил молодой слесарь, чем вызвал надменный смешок у Андрея.

Дмитрий накинул дубленку, закрыл шкафчик на замок и направился к двери. Два товарища, глядя вслед ему, посмеивались. Когда он вышел, Козловский тяжело вздохнул и сказал коллеге: – Девятнадцать лет хлопцу, а дурапесало дурапесалом.

– Да, – согласился Тевенев. – Что есть, то есть.

Зайдя в подъезд своего дома, Дима открыл почтовый ящик и, не обнаружив в нем никакой почты, пошагал вверх по лестнице. Пройдя половину лестничного пролета, он услышал позади себя сипловатый женский голос: “Дима...” Это была тётя Маша, соседка Грымовых, которая жила этажом ниже, прямо под их квартирой.

Вряд ли кто, взглянув на эту женщину, сказал бы, что она злоупотребляет спиртными напитками. Но Дима знал это. Тетя Маша начала вести аморальный образ жизни лет пятнадцать назад. Диме тогда было года три-четыре. Её тело, которое и сейчас не утратило изящности, было пышнее, причем, пышность была умеренной и только в самых привлекательных местах. Лицо тети Маши так же не утратило привлекательности, но тогда, лет пятнадцать назад, оно было другим – выразительные глаза пленили к себе, а губы, которые тогда были немного полнее, чем сейчас, никогда не складывались в безразличную полуулыбку при разговоре. Голос её был звонче, она часто шутила и даже отдаленно не была похожа на теперешнюю тётю Машу – похудевшую, помрачневшую, поглупевшую.

– Дима, давай-ка с тобой по рюмашечке?.. Не хочешь?

– Идите вы! – Вырвалось у парня. Он сказал негромко, но соседка услышала. Она метнулась к парню и, легонько толкнув его в спину, обиженно вымолвила: – Ты меня презираешь, Дима?.. А презирать людей – грех. Великий грех!

– Вести такой образ жизни, как вы, тётя Маша, – тоже великий грех! Ещё больший, чем презрение к людям!

Женщина пренебрежительно скривила губы, из глаз ее потекли едва заметные ручейки слез. Она быстро взяла себя в руки и, флегматично махнув на озлобленного парня рукой, пошла к себе.

– Ну, как твои делишки? – Спросил отец Дмитрия, когда тот зашел на кухню.

Сергей Дмитриевич (так звали отца Димы) сидел за обеденным столом, с открытой банкой пива в руке. Перед ним на столе стояла тарелка с селедкой, порезанной мелкими кусочками.

– Нормально, – Сухо ответил сын.

– А чего сумрачный такой?

– Просто я уставший.

– Это хорошо. Уставать от работы – приятно. Или нет?

– От работы – приятно.

Дима достал из холодильника тарелку с котлетами, включил огонь на плите, поставил на огонь сковородку, и кинул в нее котлеты.

– А отчего неприятно? – Не унимался отец.

– Неприятно – от неприятностей. – Сын попытался улыбнуться, но у него плохо получилось. Вместо улыбки получилась какая-то надменно-усталая ухмылка.

Посидев некоторое время в сосредоточенном молчании, Дмитрий выключил огонь, переложил котлеты из сковороды в тарелку. Отец, сделав очередной глоток пива, отправил в рот кусочек селедки и задал очередной вопрос: – Это от каких таких неприятностей тебе на работе неприятно?

Дима, сосредоточенно разделявая вилкой котлету, сделал вид, что не услышал вопрос. Отец и не ждал ответа. Он знал, отчего неприятно утомляется его слабохарактерный отпрыск, – от простоты и ушлости рабочих, с которыми парню, в силу своей доброты и заторможенности (не сильной, но всё-таки заметной) очень трудно ладить. Был бы он чуть посмелее, вреднее, – был бы «своим парнем», а так...

– Погодка укачивает? – Отец не сдавался, хотя знал, что сын в подобных случаях отделяется бесцветными односложными ответами.

– Укачивает, – Бесцветно ответил Дмитрий. Потом спохватился, положил вилку, которой собирался проткнуть котлету, на тарелку, и, уже с чувством, добавил: – Сегодня – особенно.

– Непогода утомляет тоже, это да. – Сергей Дмитриевич допил пиво и, смяв алюминиевую баночку, выбросил её в мусорное ведро.

– Ещё ничегонеделанье утомляет, – сказал Дима и почему-то улыбнулся. В этот раз его улыбка была искренняя, радушная.

– Ладно, не горюй, успеешь наработаться. – Отец, обрадованный оживлённостью сына, чуть не выронил вилку с нанизанным кусочком селедки. – У тебя ведь вся жизнь впереди.

– Да. – Сын, снова став флегматичным, тяжело вздохнул. – Впереди – вся жизнь, которую надо прожить так, чтоб не было больно за бесцельно прожитые годы.

– Да ладно, не вздыхай. – Сергей Дмитриевич достал из холодильника баночку «Старого мельника». – На-ка, пивка попей.

Дима открыл баночку «Балтики», сделал маленький глоток.

– Помнишь, мы ходили в том году в гости к дяде Паше?

– Помню.

– Вот сейчас к нам его дочурка зайдёт. – Сергей Дмитриевич посмотрел на настенные часы. – Минут через десять зайдет. Познакомиться бы тебе с ней...

– А она зачем придёт?

– За шкафом, – Отец снисходительно усмехнулся. – Книжку Есенина просила у меня. Ну, так что?

– Не знаю, я совсем не видел её.

– Вот как раз и посмотришь сейчас.

Через минут пять в дверь позвонили. Сергей Дмитриевич усмехнулся сыну: – Как всегда, когда им надо, бегут раньше времени, а когда от них чего-то надо... – Он не договорил – потому что сын, не слушая его, метнулся к двери.

Посмотрев в глазок, Дмитрий увидел красивую светловолосую девушку в длинной коричневой дублёнке. С минуту полюбовавшись блондинкой, он открыл дверь и учтиво улыбнулся ей: – Проходите, пожалуйста. Здравствуйте.

– Добрый вечер, – Произнесла девушка, входя в прихожую.

– Здравствуйте, – Кротко поздоровался Дима.

– А вы, наверное, Дима? – Девушка улыбнулась.

Улыбка ее была почти бесцветная, так сказать, дежурная. Так улыбаются стюардессы в самолетах. Но на Диму она почему-то произвела легкий возбуждающий эффект. Щеки парня стали пунцовыми. Он резко вдохнул носом воздух и решительно ответил: – Да, так точно. Дмитрий.

– А я – Лена. – Девушка протянула парню свою изящную ручку, предварительно стянув с нее замшевую перчатку.

– Приятно познакомиться, – Дима аккуратно пожал руку Лены.

– А где Сергей Дмитриевич?

– А я здесь, Лен. Сейчас принесу, – ответил Сергей Дмитриевич, и, выйдя из кухни, ушёл в свою комнату. Через мгновение он вышел, держа в руке толстую книгу в потертой коричневой обложке. – А это тебе по учёбе надо, или ты просто так?

– Просто так.

– А вы, кроме Есенина, ещё кого любите? – Спросил Дима, неуверенно потирая ладонью покрасневшее лицо.

– Да много кого. – Не сразу ответила девушка, сдержанно усмехаясь.

Положив книгу в сумочку, Лена поблагодарила Сергея Дмитриевича и направилась к выходу.

– Давайте, я провожу вас? – Предложил Дмитрий, тяжело переводя дыха-

ние. – Уже ведь темно...

– Да, проводите, если есть желание, – Ответила Лена, секунду поколебавшись. Она замешкалась – потому что не понимала этого парня. Какой-то он странный – будто что-то задумывает и прячет за благочестивыми манерами свои настоящие эмоции.

Быстро обув ботинки и накинув дублёнку, Дима вышел вслед за Леной.

Всю дорогу молодые люди шли молча. Иногда Дима замедлял шаг – специально, чтобы посмотреть – оглянется Лена, или нет. За все время пути – примерно минут пятнадцать – он это сделал три раза. Каждый раз, когда девушка оглядывалась, его лицо озаряла счастливая улыбка. И каждый раз он старался подавлять эмоции и устремлял взгляд вниз, или в сторону, чем только смешил свою спутницу.

– Ну, всё, пока. Спасибо, что проводил, – Сказала Лена, подходя к своему подъезду.

– Лена, можно мне позвонить тебе? – Спросил Дима, подходя к ней поближе.

Лена оценивающе посмотрела на парня, – видимо она не ожидала, что он так быстро перейдет на «ты», и, подавив очередной смешок, ответила: – Можно.

Продиктовав Диме свой номер телефона, девушка игриво махнула ручкой на прощанье, и вошла в подъезд. Железная дверь с лязгом закрылась. Вместе с этим звуком Дима ощутил, как радость, пребывающая в нём с того самого момента, когда он увидел эту белокурую красавицу, резко сменилась грустью и ощущение тепла потихоньку покидает его тело.

Идя домой, он мысленно ругал непогоду – за то, что помешала ему побыть подольше наедине с девушкой, о которой он теперь будет думать целыми днями и, скорее всего, часто видеть во сне.

Подходя к дому, Дмитрий почувствовал, как что-то мягкое и хрупкое ударило его в спину. Он оглянулся и увидел долговязого парня в длинном кожаном пальто. Это был Роман Беляков – лучший друг Дмитрия.

– Дима, пойдем-ка, в гости сходим?..

– Не хочется как-то.

– Что случилось? Мама не пускает?

– Нет, просто не хочу, – Дима задумчиво катал комок снега в ладонях. – Я, как бы тебе сказать... – Он нечаянно раздавил комок снега и как-то глупо улыбнулся. – Я уже не один...

– Не один... – Задумчиво повторил товарищ. – У тебя хомячок в кармане, что-ли?.. Черт с ним. Ничего он тебе не сделает, если ты сходишь со мной в гости... – Рома поймал суровый взгляд друга, и, положив руку на грудь, поклонился и надменно пробасил: – Отец Дмитрий, простите меня. Велико-

душно прошу прощения! Каюсь! Никогда больше не произнесу слово «чёрт»!

Дима, не дослушав товарища, открыл железную дверь, вошел в дом. Рома вбежал вслед за ним и, обняв за плечи, запричитал: – Дима, ну что ты как царевна-несмеяна!.. Ты как баба! Ну какого чё... ну зачем ты злишься?!

– Тебе смешно, что я верующий, да? – Резко бросил Дима, отталкивая товарища.

– Нет, Дима, у меня просто характер такой. Ты ж знаешь, я люблю поиздеваться. Я вовсе не над верой смеюсь, Дима. Я просто над тобой подтруниваю. Ты ведь как-то собирался попом стать. Помнишь?

– Помню. И что в этом смешного?

– Ничего. Я везде смешное нахожу, такая у меня натура. Ты не обижайся, Дима, – Рома положил руку на плечо друга, проникновенно посмотрел ему в глаза. – Не обижайся на меня, Димок, ради всех святых...

– Ладно. Только слово это, ради бога, не говори больше.

– Не буду, слово кабальеро, – Роман хлопнул друга по плечу. – Пойдем?

– Пойдем. Только в последний раз. Хорошо?

– Хорошо, – Довольный Рома похлопал друга по плечам и резво пошагал в сторону проезжей части.

Дима посмотрел куда-то в сторону, тяжело вздохнул и быстрым шагом устремился вслед за другом.

2.

– Слышь, Надька, – Обратилась Марина к подруге, выдувая густую струю табачного дыма и откидываясь в кресле-качалке. – А этот твой Егор случаем не параноик?

– Да нет. – Не сразу ответила Надька. – С чего бы это?

– Он к тебе заходит вечером – когда ты его не особенно ждешь...

– У него по-другому редко получается.

– И никогда не предупреждает...

Надька снова на мгновение задумалась, делая вид, что с интересом разглядывает поломанный ноготь на указательном пальце.

– А чего предупреждать... Мы давно знакомы. И давно взрослые. И доверяем друг другу.

– Мне кажется, он делает вид, что тебе доверяет, а сам потому и заходит вечером – чтоб посмотреть на твое настроение, состояние и сразу лезет в зал – смотрит, есть кто, али нет никого.

– Ладно, слышь!.. – Надя гневно смотрела на подругу, а ее рука нервно тушила окурки в пепельнице. – Мисс Марпл фигова! Хорош морали читать!

– Надя, прости. – Марина стыдливо потупилась, вжавшись спиной в спинку качающегося кресла. – Я вовсе не хотела читать никакие морали. Просто... – Девушка виновато замолкла, посмотрела в окно – на заснеженные ветки

деревьев.

– Что «просто»? – Ядовито ухмыльнулась Надька.

– Просто если он тебя засечет... – Марина изобразила на своем миловидном лице невинную улыбку и провела ладонью поперек своей изящной шейки.

Надя бросила на подругу недовольный взгляд и собралась разразиться очередной тирадой, но тут в дверь позвонили.

– Иди-ка лучше швейцаром поработай, мисс Марпл чертова.

Марина безропотно повиновалась. Надя набрала на своем мобильном номер и ласково проворковала: – Егор... Я тоже по тебе скучаю. Заходи сегодня вечерочком, часиков в одиннадцать... Да! – Приятная блондинка снова превратилась в отъявленную стерву. – Для меня это вечер! Ну, ты придешь?.. Хорошо. Я буду ждать.

Положив мобильный телефон на столик, Надя недолго посидела в раздумье. Затем закурила очередную сигарету и вышла из комнаты. В прихожей ее взору предстали два парня. Один был высоким, с пышной светлой шевелюрой, в модном пальто, под которым угадывалось тщедушное нескладное тело. Его товарищ значительно уступал ему в росте, но немного превосходил в телосложении. Обоим было лет по двадцать.

Это были Рома и Дима. С первым Надя (или Гретхен, как звали ее друзья и подруги) была знакома, а второго видела впервые.

– Здравствуй, Надя. – Улыбнулся Рома. – Знакомься, Дима. – Он положил руку на спину товарища, но тот почему-то никак на это не отреагировал. Бросив скользкий взгляд на Надю, он бегло оглядел эстампы, украшающие стены прихожей, и бесцветно спросил: – А можно тапочки надеть?..

Гретхен сдержанно кашлянула, и, прикрывая тонкие губы, расплывшиеся в надменной ухмылке, ответила: – Да, вон там, в дверце. И одежды верхние снимайте. Или вы ненадолго?..

– Вон в той. – Уточнил Рома, глядя как его незатейливый товарищ вместо того, чтобы открыть ящик с обувью, идет к двери одной из комнат.

Наблюдая за Дмитрием, Надя плотно прижала ладонь ко рту – чтобы подавить накативший смех, и убежала на кухню, где ее уже поджидала Марина.

Глядя на Гретхен, которая тихо смеялась, сотрясаясь всем телом, ее подруга бросила нож, которым рубила бананы на колечки, и изобразила на своем личике нечто вроде сочувственной-ободряющей улыбки: – Это Ромка своего лучшего друга привел. Он просто раньше его не приводил – потому что боялся напугать.

– Расслабься. – Ободряюще улыбнулся Рома угрюмому другу, придвигая к дивану журнальный столик. – Сейчас винца жажнем – все будет как в лучших домах Лондона.

Столик был сделан из голубоватого стекла. На его нижней полке лежал

блок сигарет «More», а на самой столешнице стояли стеклянная пепельница с окурками, измазанными помадой на месте фильтра, и рюмки из зеленого хрусталя, из которых пахло водкой.

Парни сели на диван и некоторое время сидели в угрюмом молчании. Вскоре в комнату вошли Марина и Надя. У одной в руках были тарелки с фруктами, у другой – бутылка «Кадарки» и четыре фужера.

Пока Рома раскупоривал вино, девушки о чем-то тихо шептались. Дима сидел, откинувшись на спинку дивана, глядел в окно.

– Рома, ты где этого мальчика нашёл? – вкрадчиво спросила Надя, присаживаясь на диван рядом с Димой.

– Я его с детства знаю. Очень хороший парень. Рекомендую.

– Что ты имеешь в виду? – Надменно-веселое лицо Надьки мгновенно изменилось – глаза стали строгими, на бледных щеках заиграли румянцы, уголки губ чуть изогнулись книзу.

Дмитрий насторожился. Он не знал, что эти девушки, не смотря на то, что похожи на девушек легкого поведения, при желании могут казаться полной противоположностью им.

– Да я так, к слову. – Осторожно улыбнулся Рома. – Пожалуйста, извините, если чего не так...

«Кадарка» сильно подействовала на девчат. После третьего тоста они были уже где-то на средней стадии опьянения. Дело было вовсе не в вине, сколько в крошечных таблетках, которые Рома каждый раз незаметно вкидывал в фужеры девчат. Закончив бутылку вина, все переместились в зал – устроить небольшую дискотеку для разрядки. После чего Рома с Мариной уединились в другой комнате, закрыв дверь на защелку, а Гретхен и Дима остались сидеть в зале.

Болгарское вино помогло этому чудаковатому пареньку немного раскрепоститься, но после получасового сеанса танцев он снова замкнулся в себе, сел на диван и сидел молча минут десять, тупо глядя в окно. Надя на его замкнутость не обиделась: Рома предупредил ее, что парень немного странный и ни разу не был с женщиной. Кроме того, этот недотепа ей почему-то симпатизировал. Он был красив внешне, хорошо одет, с хорошими манерами, и, казалось, эта стеснительность и заторможенность вовсе не портила его, а, наоборот, придавала еще больше форса, делая его неким особенным, притягательным.

Вскоре из комнаты послышалось негромкое пение Тани Булановой. В течение всей песни Дмитрий молча разглядывал интерьер комнаты. Надя курила, глядя в телевизор. По ее безучастному взгляду парень понял, что сериал ее совершенно не интересует. Она просто смотрела в экран – чтобы не томиться от него, неразговорчивого, культурного, который сам не знает, ради чего пришел сюда.

– А вы сестры? – неожиданно для себя промолвил Дима.

– Нет, – девушка ответила мягко, спокойно, но по ней было видно, что она не совсем довольна своим собеседником. – Подружки.

Затушив окурок, Надя устало зевнула, потянулась и, откинувшись на спинку кресла, закинула ногу на ногу. Снова воцарилось тишина. Вскоре вновь зазвучал голос плачущей певицы. Где-то на половине песни Надя, уже порядком уставшая от молчания своего гостя, бросила на него кроткий негодующий взгляд. Дима ответил ей нерешительной улыбкой и тупо устремил взгляд куда-то мимо девушки. Блондинка посмотрела в его сонные глаза, усмехнулась: – Спатки хочешь?

– Хочу.

Дима громко зевнул, не прикрыв рот рукой, чем очень рассмешил Надю. Девушка встала с дивана, направилась к двери и жестом поманила парня за собой: – Пошли...

Они вышли в прихожую. Из комнаты, в которой уединилась влюбленная пара, слышались тихие сладострастные стоны-вздохи, заглушаемые пением Тани Булановой.

– Дима, – Надя улыбнулась парню, который в смущении застыл на месте. – Какой ты нерешительный...

Они вошли в небольшую комнату. Дмитрий быстро прошелся взглядом по интерьеру – широкая кровать с прикроватной тумбочкой, двустворчатый шкаф, трюмо с женскими принадлежностями и небольшой стеллаж с книгами. Нижняя полка стеллажа была завалена женскими журналами. На второй полке было три тома Зигмунда Фрейда, девять томов Ги де Мопассана и семь книг по уходу за кожей лица и тела. Третья полка предназначалась для компакт-дисков и CD-плеера. На стене, прямо над стеллажом, висела картина «Женщина с гирляндой» кисти художника Россети. Пол украшала лохматая «дорожка» ярко-рыжего цвета. Стекланная люстра, по форме напоминающая медузу, лила приятный мягкий свет. Пышные шторы, обрамляющие окна комнаты, были задернуты не до конца, и из-под них выглядывал прозрачный тюль с редкими узорами в виде зеленых стебельков с капельками на концах.

– Чувствуй себя, как дома. – Девушка достала из шкафа большое махровое полотенце, бросила его парню, который уже минуты три не сводил глаз с рыжеволосых красавиц, изображенных на картине. – Только иди душ прими.

Прежде чем выйти из комнаты, Дмитрий с полминуты задумчиво теребил висок, блуждая взглядом по интерьеру комнаты.

Когда он, приняв душ, вернулся, в комнате горел слабый голубой свет. Надя лежала на кровати, полураздетая, с распущенными волосами. Дима застыл в нескольких шагах от нее и долго не решался ничего предпринять. Он, скорее всего, и не решился бы, если бы девушка сама не подошла к нему и не стащила с него полотенце.

Оголившись, парень юркнул в кровать. Девушка, оставшись стоять на месте, непринужденно избавилась от своего нижнего белья и легла рядом с Димой.

После любовной утехы Надя непринужденно предложила Диме пойти домой. На его вопрос: «Мне уйти домой?» она отреагировала продолжительным глухим смешком и пояснила: – Да, Димочка, иди домойки, а то ко мне сейчас жених придет.

Дима как ошпаренный вскочил с постели, оделся.

– Кнопочку не защелкивай, когда выйдешь. – Этих слов Надьки Дмитрий уже не слышал – потому что в это время он уже сбегал вниз по лестнице, мысленно проклиная своего лучшего друга Рому – за то, что все-таки соблазнил его на грех, Надьку – за то, что соблазнила его и порочно вела себя, и себя – за то, что поддался искушению лукавого.

Выйдя из дома, Дмитрий увидел молодого человека в короткой черной дубленке, с цветами в руке. Молодому человеку было лет двадцать семь на вид. Он был среднего роста, с благородным евро-азиатским лицом, под толстокожей дубленкой угадывался крепкий спортивный торс.

Проходя мимо Дмитрия, молодой человек как-то нехорошо глянул на него. Дима замер на месте. Незнакомец тоже остановился, спросил: – Парень, ты откуда?

– Отсюда. – Дима указал на дверь подъезда, которая еще не успела захлопнуться. Надменный тон, мрачная мина, приподнятая бровь незнакомца неприятно настораживали, но Дима старался казаться невозмутимым. – А что такое?

– Да ничего такого. – Мягко, уже безо всяких напрягающих эмоций ответил молодой мужчина. – От Гретхен, наверно?

– Гретхен? – Удивился Дмитрий. – Что за Гретхен.

– Надя Гертман. – Незнакомец снисходительно улыбнулся. – Для своих – Грэтхен.

– Да. – Не сразу ответил парень.

Человек с розами посмотрел в сторону, потом на Диму и задумчиво проговорил: – Эх, Гретхен, Гретхен...

Дима две секунды смотрел на молодого человека. Потом быстрым шагом пошел прочь. Человек с розами провожал парня взглядом, пока тот не скрылся за углом дома. Потом задумчиво потерев пальцем листья цветов и медленно подошел к двери дома. Набрав на табло комбинацию из двух цифр, он услышал голос Грэтхен: – Да... Кто там?

– Надя, это я.

– Нет, Егорка, Надя – это я.

Домофон запиликал. Егор вошел в подъезд. Легко взбежал на второй этаж. Надя уже ждала его, выглядывая из двери. Егор нежно обнял её за талию, по-

целовал в губы. Взяв розы, Гретхен посмотрела на своего ухажера с деланным изумлением, потом заулыбалась, кичливо пропела: – Ох, какие мы изысканные-неординарные!..

– Я знал, что тебе понравится. – Егорка тоже улыбнулся, но какой-то странной, совсем бесчувственной улыбкой.

Подходя к своему дому, Дима увидел, как дверь его подъезда открылась и из него вышла женщина.

– Мама, ты что, решила сегодня уехать? – громко спросил парень, догоняя женщину, которая уже подходила к углу дома.

Оказалось, что это не его мать, а женщина, внешне очень похожая на неё, но значительно моложе. Когда она обернулась и с недоумением посмотрела на Диму, он разглядел её лучше. Это была симпатичная брюнетка лет тридцати с виду. Приятная славянская внешность, черные, как смоль, волосы, тонкие губы, подведенные бордовой помадой, прямой аккуратный нос и азиатский разрез глаз. Под длинным черным пальто угадывалось красивое тело.

– Извините, я ошибся, – С трудом вымолвил Дима, избегая игривого взгляда молодой женщины.

Молодая дама одарила парня милой ободряющей улыбкой, и пошла своей дорогой.

3.

Высоченный человек с тонким казахским лицом, вошел в бокс. На нем была застиранная телогрейка поверх черной хлопковой рубы. Черные джинсы, чуть потертые на коленях, были заправлены в высокие кирзовые сапоги. На голове матерчатая черная шапка. Сквозь узкие очки-хамелеоны не очень отчетливо видны раскосые глаза.

– Бузун, ты там Козлика не видал? – спросил его пожилой мужик в черной униформе, сидящий на скамейке у батареи.

Это был Григорий Полторухин – один из слесарей автоколонны. Вместе с ним на скамейке сидели два водителя – Юрий Иванов и Алексей Боцманов. Оба были неопределенного возраста – не то сорока, не то пятидесяти с лишним лет. Вместо униформы на них были старомодные штаны и свитера, затертые до дыр и задубевшие от машинной грязи.

– Нет, не видал, – ответил Бузун, улыбаясь.

Бузуна звали Николай. Коллеги обращались к нему по кличке, которая была сокращенным эквивалентом его фамилии – Бузунов.

– Какого хрена смеёшься? – недовольно спросил Боцманов. – Смотри, чтоб плакать не пришлось!

– Да, Коля, с Лёхой лучше так не шутить, – С наигранной серьёзностью сказал Иванов.

– А с Гришкой можно так шутить? – С насмешкой спросил Бузунов, присаживаясь возле Полторухина.

– Иди ты отсюда! – Обиженно пробурчал Полторухин. – А то я тебе помогу выйти!

Николай Бузунов встал со скамейки и поплёлся к выходу.

– Давай-давай, топай, длинная сволочь! – пробурчал Григорий ему вслед.

Выйдя из бокса, Бузун увидел Андрея Козловского. Козлик шел, весело посвистывая. Не обращая внимания на Бузунова, который в упор смотрел на него, он вошел в бокс. Николай провожал его взглядом, а когда дверь бокса закрылась, перевел взгляд на мужика с длинными черными усами, который торопливо шел к тягачу. На нем была солдатская одежда, на которой почти не осталось чистого места, телогрейка и промасленный шлем танкиста. У этого мужика тоже, как у многих на этой автоколонне, была кличка – Прапорщик.

– Товарищ прапорщик, – Обратился Бузунов к усачу в шлеме танкиста. – Ну-ка, иди, прочитай сослуживцам лекцию о вреде пьянства.

– Да, – Усмехнулся Прапорщик, и, распахнув дверь бокса, строевым шагом подошел к шоферам. – Пьянствовать – вредно! Особенно без меня!

Рабочие не обратили внимания на коллегу. Все были увлечены горячим спором, основными участниками которого были Полторухин и Козловский. Григорий безуспешно пытался объяснить Андрею, что он работает на автоколонне уже почти сорок лет и все шестьдесят полуразвалившихся автомобилей этой автоколонны пригодны к эксплуатации благодаря именно его стараниям. Козловский ехидно упрекнул старшего коллегу в том, что тот помогает шоферам в ремонте лишь потому, что получает от них за свои услуги либо деньги, либо спиртное. Так же безуспешно Полторухин доказывал Козлику, что начальник уважает его. Козлик в ответ внушительно объяснял ему, что начальник его уважает только потому, что на этой базе два слесаря – Дима Грымов, который абсолютно не разбирается в автоделе, и Григорий Павлович Полторухин, который помогает только тому, кто угощает его спиртным, или делает какое-либо полезное дело. Иванов и Боцман увлеченно слушали, изредка посмеиваясь.

Неизвестно, сколько бы продолжалась склока Козловского и Полторухина, если бы в бокс не вошёл пожилой худощавый мужчина в длинной кожаной куртке. Это был Василий Кузьмич – механик по ремонту.

– Что не поделили, мужики? – с улыбкой спросил он, глядя на беснующихся коллег.

– Вот, Кузьмич, Гриша мне доказывает, что земля квадратная. – Как можно спокойнее ответил Козлик. Он всегда старался предстать перед начальством в образе дипломатичного весельчака. У него это неплохо получалось, но он ошибался, думая, что они видят его таким. Оба – и механик по ремонту и начальник автоколонны – знали, что кличка Козлик, которой окрестили Андрея,

подходит ему как нельзя кстати.

– А ты не соглашаешься?

– Я ему говорю «круглая», а он мне: Квадратная! Квадратная!

– А что тебе важнее, свою машину делать, или Гришке доказывать, что земля круглая? – буркнул Боцманов.

– А твоё какое собачье дело, что мне важнее?! – Огрызнулся Андрей, краснея от гнева и нервно сжимая кулаки.

– Ладно, мужики, не ссорьтесь, – Кузьмич умоляюще замахал руками. – Вы как дети малые!

– Кузьмич, а ты, собственно, зачем пожаловал? – спросил Иванов, ехидно улыбаясь механику.

– Я – посмотреть, как дела идут. – Василий Кузьмич отвернулся от наглых глаз Иванова, окинул взглядом кучку запчастей, что лежала у стены бокса. Потом он бегло осмотрел «МаЗ», стоящий на смотровой яме, и сделал вывод: – А дела у вас, как я и ожидал, ни хрена не идут!

Механик с минуту постоял в гордом молчании – терпеливо ждал извинений и объяснений. Затем вышел из бокса и направился к «КамАЗу», под которым на грязном деревянном поддоне лежал Дима Грымов.

– Ты что там делаешь, Дима? – спросил Кузьмич, присаживаясь на корточки возле парня.

– Стартер снимаю.

– А где сам Тевень?

– Не знаю.

Василий Кузьмич залез в кабину тягача и посмотрел в спальник – там мирно спал Леонид Тевенев. Учув сильный запах перегара, исходящий от Тевеня, механик поморщился, вылез из кабины и, недовольно мотая головой, пошагал в направлении административного здания.

Сняв стартер, Дима вылез из-под «КамАЗа». Тщательно протерев гаечные ключи, которыми работал, он убрал их в кабину и, взяв стартер подмышку, направился к слесарной мастерской. Открывая дверь мастерской, Дима услышал знакомые голоса. Это были голоса Андрея Козловского и Сергея Ольховки.

Сергей Ольховка работал на автоколонне электриком. Кроме ремонта электрооборудования грузовиков, он вулканизировал камеры, ремонтировал аккумуляторы и паял радиаторы. Ольховка отлично разбирался в электрике, беспрекословно и безупречно выполнял работу любой сложности. Дима уважал его не только как специалиста, но и как человека. Он, вообще-то, и был человеком, но только тогда, когда не употреблял спиртного. Как-то – в период своего первого срыва – Сергей в конце рабочего дня заставил Диму выйти из

бытовки, пока он не переоденется. Парень, твердо зная, что устами Ольховки говорит бес, повиновался. Вошел в бытовку он через минут десять – когда электрик открыл размашистым ударом руки дверь и сказал приказным тоном: “Заходи, иудушка!”

Следующий запой Ольховки тоже негативно отразился на слабой психике молодого специалиста. Тогда Сергей позволил себе ещё большую вольность – заставил «иудушку» красиво расставить все кирзовые сапоги возле батареи и аккуратно сложить носки и портянки. Парень покорно исполнил повеление. На следующее утро электрик, перед тем, как отправить Диму в магазин за спиртным, попросил его не обижаться на вчерашний инцидент. Молодой специалист заверил его, что не обижается, но в магазин идти отказался. Свой отказ он имитировал тем, что волнуется за душу своего старшего коллеги. Он так и сказал электрику: «Я не пойду, потому что... Сергей, ты... пропадешь, если начнешь пить».

На это Сергей Ольховка ответил с грубой иронией, актуальной для большинства рабочих автоколонны: – А ты, Димка, пропадешь, если не начнешь пить. Ладно, иди. Первый и последний раз прошу! Честное слово, не буду больше просить. Слышь, на сдачу мороженое себе возьми.

– Ладно, только в последний раз. Хорошо?

– Это по любому, Димок. Однозначно.

Электрик не сдержал обещание. После того «последнего раза» было еще много раз, и все они были такими же «последними».

– Дима, как дела? – спросил Козловский, хитро подмигивая электрику.

– Хорошо, – ответил Дима и, положив стартер на верстак, присел на скамейку.

– А чего ты сел? Стартер кто разбирать будет?

Дмитрий, ничего не ответив, осмотрел свои ботинки – будто бы проверяя, насколько они загрязнились, потрогал узлы шнурков – будто бы проверяя, насколько хорошо они завязаны.

Козловский, глядя на него, рассмеялся. Он знал, что этот недалекий паренек так ведёт себя потому, что не может придумать, что сказать в ответ. Андрея, как, в общем, и всех остальных работников автоколонны, очень смешило то, что этот странноватый парень неумело скрывает свою трусость. Все знали, что Дима панически боится всех, кто подтрунивает над ним.

Ольховка незаметно подмигнул Козлику: – Не трогай ты этого иу... этого мальчика. Не трожь его. Он ведь тебе ничего плохого не сделал.

– Я просто советую хлопцу, чтоб учился разбирать стартер! Дима, я правильно советую?

Молодой специалист грустно посмотрел на самоуверенную физиономию Козлика и, так и ничего не ответив, вышел из помещения.